

О. И. Домбровский, Е. А. Паршина

ОПЫТ ХРОНОЛОГИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ЮЖНОБЕРЕЖЬЯ

В результате десятилетних разведок и раскопок на южном берегу Крыма между мысом Айя и Судакком был собран обильный археологический материал. Благодаря этому исследованию, стало возможным установить датировку вновь открытых и ранее известных населенных пунктов средневековой эпохи. Многие из них просуществовали весьма долгое время, претерпев значительные перестройки; в зависимости от исторических условий они не раз меняли свое лицо и характер.

Так, например, Гурзуфская крепость, упоминание о которой мы найдем у Прокопия Кесарийского в трактате «О постройках», в VI—VIII вв. являлась одним из тех немногочисленных приморских укреплений между Херсоном и Боспором, которые со времен Юстиниана I возводились Византией ради освоения Таврики. Разрушенная хазарами крепость в XII—XIV вв. возрождается и предстает перед нами сначала как небольшой феодальный замок, а затем как цитадель приморского городка, окруженного второй линией оборонительных укреплений. В XIV—XV вв. после вторичного разрушения и перестройки мы видим ее уже в качестве одного из прибрежных блок-постов генуэзского «Капитанства готии».

Хронологизация памятников южного бережья опирается, прежде всего, на анализ обильного керамического материала; в силу своей массовости он дает наиболее надежный, а зачастую и единственный критерий для определения даты строительных остатков и культурного слоя.

Исходя из археологических материалов, удалось выделить группу укреплений и поселений, просуществовавших, начиная с VI в., в течение всего средневековья. К ним относится упомянутая выше крепость в Гурзуфе с окружающими ее поселениями (например, близ Артека). Такая же группа памятников сохранилась в Алуштинской котловине, где у моря стояла еще одна крепость юстиниановского времени.

К памятникам, возникшим в VIII—X вв. и просуществовавшим до XIV—XV вв., относятся: укрепление на горе Крестовой в Верх-

ней Ореанде, укрепление на мысу Св. Троицы, монастырь на горе Панае в Симеизе.

Выделяются также памятники, возникшие около XII в., — например, укрепление на горе Кошка в Симеизе, феодальные замки Гелик-Кая, Хачла-Каясы, Шайтан-Мердвен, монастырь в Верхней Масандре с большим числом связанных с ними поселений и отдельных усадеб.

В пользу ранней даты первой группы памятников говорят, прежде всего, находки раннесредневековой краснолаковой посуды IV—VI вв.¹ Более часто встречается привозная белоглиняная посуда под крошечной пятнисто-зеленой поливой (чашки, кувшинчики, тарелки с рельефными венчиками и штампованным орнаментом), которую Р. Стивенсон относит к VII—VIII вв.; Т. Н. Макарова датирует появление ее в Крыму серединой IX в.² Последнее для указанных пунктов южного берега при интенсивных торговых сношениях с византийскими центрами представляется маловероятным.

На всех ранних памятниках обследованного района встречены амфоры с яйцевидным корпусом и слегка отогнутым горизонтально срезанным венчиком, украшенные по плечикам врезными гребенчатыми поясками. Этот тип амфор широко известен в Крыму. В VIII—IX вв. их изготовляли в Херсонесе (тип 14, 15)³. Производство таких амфор было также освоено и на южном берегу, о чем свидетельствует продукция керамических печей, открытых в 1966 г. близ Ливадии и в Ялте.

Попадает и другой тип амфор с четким рифлением, также широко известный в Херсонесе (тип 16)⁴ и надежно датированный IX—XI вв.

Наиболее поздним керамическим материалом указанных памятников является ангобированная черепица со слабо рельефными метками XII—XIV вв., красноглиняная поливная посуда с врезным орнаментом, широко известная в Херсонесе в поздних слоях, а также неоднократно встреченная на памятниках XII—XIV вв. в Болгарии⁵ и Румынии⁶.

Группировка памятников по найденному на них керамическому материалу еще не завершена, ибо многие из обнаруженных разведками поселений, даже ранее известных, но сознательно не названных здесь укреплений надлежит полнее изучить путем археологических раскопок. Однако уже первые результаты проведенной работы, как мы думаем, помогают уточнить картину заселения в VI—XV вв. если не всей Таврики, то, по крайней мере, южной ее части.

Разработанная хронология соответствует и той исторической периодизации Крымского средневековья, которая вытекает из письменных источников. Южное побережье, слабо заселенное в III—V вв., в VI—VIII вв. оживает благодаря появлению на нем византийских береговых укреплений; последние становятся центрами притяжения местного и пришлого населения. Однако жизнь

сосредоточивается в это время лишь вокруг этих пунктов, а большая часть приморской территории остается малообжитой и практически не освоенной.

С хазарским вторжением на полуостров совпало другое историческое явление — иконопочитательская эмиграция в Крым и своего рода византийская колонизация Таврики, в первую очередь южнобережной. Как следствие этого в VIII—X вв. мы видим безудержный рост поселений, а также мелких укреплений (преимущественно монастырского характера), который ведет к более полному хозяйственному освоению и повсеместному заселению южнобережья.

Агрессия хазар в 887 г. задела на южном берегу лишь район, прилегающий к монастырю Св. Апостолов на Аю-Даге, где был главный очаг антихазарского восстания. Пострадали Партениты и горзувитская крепость, а в остальной части южнобережья положение мало или совсем не изменилось.

Плотность заселения становится наибольшей в XII—XIV вв., главным образом за счет множества мелких поселений, широко разбросанных вокруг замков, монастырей и просто усадеб, десятками обнаруженных на обследованной территории. Это явление можно связывать с усиленной феодализацией Таврики, а отчасти и с переселением в горные и приморские места жителей предгорья, теснимых степными кочевыми народами — сначала печенегами, затем половцами и татарами.

С 30-х годов XIV в. в результате настойчивого наступления на Таврику татар и генуэзцев, усилившегося после падения Византийской империи, плотность населения южнобережья резко падает.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ F. O. Waage. The Roman and Byzantine pottery. — *Hesperia*, v. II, 1933, p. 293.

² Т. Н. Макарова. Поливная посуда. — САИ, вып. Е 1—38. М., 1967 стр. 9, табл. 1, 19; R. Stevenson. The Great Palace of the Byzantine Emperors. 1947, p. 32, 33.

³ И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Иеашута, В. И. Кадеев, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 88, 89, рис. 15, 16.

⁴ Там же, стр. 90.

⁵ И. Чангова. Към проучването на сграфито керамика в България от XII—XIV вв. — *Археология*, т. IV, 1962, кн. 2, стр. 25—33; С. Георгиева. Керамика от дворца Царевец във Велико Търново. — *Археология*, т. VIII, 1966, кн. 4, стр. 6.

⁶ C. Nicolescu et R. Popa. La céramique émaillée des XIIIe et XIVe siècles de Păcuiul-lui-Soare. — *Dacia*, t. IX, 1965, p. 344, pl. 5f; p. 348, pl. 9b; N. Constantinescu. Coconii. Un sat din Cimpia Romana in epoca lui Mircea cel Batrin. *Studiu arheologic si istoric*. Bucuresti, 1972, p. 139—140, fig. 59, 60, 62.